

СЕКТОР «МИНУС ДВА»: НУЛЕВОЙ ГОРИЗОНТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕВГЕНИЙ АНПИЛОГОВ

18+

ЕВГЕНИЙ АНПИЛОГОВ

Сектор «Минус Два».
Нулевой горизонт

«Автор»

2026

Анпилогов Е.

Сектор «Минус Два». Нулевой горизонт / Е. Анпилогов —
«Автор», 2026

Сектор «Минус Два» — изолированный контур аномального хаоса, где свинцовый дождь выжигает броню, а законы физики Большой Земли превратились в пепел. Здесь люди страшнее мутантов, а выживание — это жесткий тактический расчет и цена каждого вдоха через фильтр противогаза. Бывший капитан инженерно-саперных войск Кирилл «Культ» Андреев пришел сюда не за романтикой пустошей. На воле, в стерильном боксе онкоцентра, умирает его одиннадцатилетняя дочь. Ее кости заживо пожирает саркома. Единственный шанс на спасение — легендарный артефакт «Очаг Жизни», скрытый в самом сердце радиоактивного Святилища, под сводами Четвертого энергоблока. Чтобы дойти до цели, Култу придется прорвать заслоны безжалостных мародеров, обойти автоматические турели Госплана и переиграть элитную штурмовую группу наемников «Черного Креста». Но когда Зона просыпается для нового Прилива, а мертвецы начинают вставать на ноги, правила игры меняются. Прорыв начался.

© Анпилогов Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: ХИМИЯ ДОЖДЯ И СВИНЦА	5
ГЛАВА 2: БАЛАНС ПРОХОРА	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Евгений Анпилогов

Сектор «Минус Два». Нулевой горизонт

ГЛАВА 1: ХИМИЯ ДОЖДЯ И СВИНЦА

Дождь в Секторе «Минус Два» всегда начинался без предупреждения. Еще полчаса назад сквозь рваные, мышинного цвета тучи пробивалось блеклое, будто разбавленное водой солнце, заставляя мокрый бетон заброшенной автобазы неестественно блестеть. А сейчас небо навалилось на землю тяжелой, свинцовой плитой. Воздух мгновенно поскущнел, потерял прозрачность, превратившись в серую взвесь из водяной пыли и едкой химической гари.

Кирилл «Культ» Андреев сидел на корточках в смотровой яме полуразрушенного ремонтного бокса, плотно прижав спину к холодной кирпичной кладке. Сверху, с прогнившей жестяной крыши ангара, мерно капала маслянистая известковая жижа. Попадая на ржавый остов грузовика «ЗиЛ», она с тихим, зловещим шипением разъедала остатки тускло-зеленой краски, оставляя на металле дымящиеся белесые подтеки.

— С-сука... ну и хмарь, — прошептал Кирилл.

Голос прозвучал глухо, деформированный резиновым лепестком клапана выдоха. Он поднял левую руку, посмотрев на наручный хронограф «Восток», упакованный в самодельный защитный чехол из прозрачного пластика. Сменный фильтр ФП-5 в его базовом комбинезоне «Шторм-3» работал без перерыва уже четвертый час. Легкие начинали ощущать едва заметный, приторно-сладковатый привкус озона — первый и самый верный признак того, что активированный уголь внутри жестяной коробки начал сдавать под напором тяжелой радиоактивной пыли.

Кирилл лично модифицировал этот «Шторм-3» перед заброской: нашил дополнительные наколенники из кордуры и укрепил паховую зону. Но против извести Секрета кустарная доработка не помогала — брезентовая основа костюма на плечах уже истончилась и пошла серыми соляными разводами.

Кирилл действовал размеренно. Паника в Секрете убивала быстрее, чем пуля калибра 9х19. Он аккуратно перехватил свой автомат — старый, но ухоженный АК-74Н с потертым деревянным прикладом и установленным оптическим прицелом ПО 4х24. Оружие лежало на его коленях, обернутое в кусок промасленного брезента, чтобы летучая влага не забивала затворную раму и ударно-спусковой механизм.

Положив автомат на чистую ветошь, Кирилл залез пальцами в плотных неопреновых перчатках в тактический подсумок на разгрузочном жилете БР-4. Нашупал прохладный цилиндр запасного фильтра. На Большой Земле такая копеечная штука валялась на каждом складе гражданской обороны, но здесь, у торговца Прохора на Кордоне, за нее пришлось отдать тридцать чистых патронов калибра 5.45х39 с термоупрочненным сердечником. Целое состояние для ходока, который топчет местную грязь всего вторую неделю.

Сделав глубокий вдох, Кирилл задержал дыхание.левой рукой он резко скрутил старый, забитый серой грязью цилиндр с бокового узла маски, а правой — точным, нарабатанным до автоматизма движением ввинтил новый. Резьба пошла туго, металл звякнул о металл.

Вдох. Воздух пошел чистый, сухой, с резким привкусием талька. Легкие отпустило.

— Живем, — выдохнул он.

Снаружи, за толстыми стенами бокса, послышался хлюпающий звук. Кто-то шел по жидкой грязи, не особо таясь. Опытный ходок так не ходит — опытный прошупывает каждый метр впереди себя тяжелым латунным болтом на капроновой нити, проверяя дорогу на нали-

чие скрытых пространственных искажений или температурных ловушек. Так топтать мог либо сытый мутант, либо тот, кто искренне считает себя хозяином этих развалин.

Кирилл плавно потянул затворную раму АК на себя, проверяя наличие патрона в патроннике. Тихо щелкнул предохранитель, переведенный в режим одиночного огня. Сняв защитный резиновый колпачок с оптики, Кирилл прильнул к окуляру, наводя перекрестие на проем выбитых въездных ворот автобазы.

В серой пелене дождя показался силуэт. Высокий, в тяжелом прорезиненном плаще поверх бронекастюма с характерными титановыми пластинами на плечах. Наемник из группировки «Черный Крест». На голове — штурмовой шлем с опущенным глухим забралом, из-за чего фигура казалась полностью лишенной человеческих черт. В руках незнакомец держал немецкий укороченный карабин под патрон НАТО, прижатый к плечу.

Наемник остановился прямо у входа, укрываясь от дождя под козырьком. Он явно кого-то ждал. Через минуту из темноты соседнего ангара к нему скользнула вторая фигура — пониже, в легком брезентовом комбинезоне «Падальщиков», перетянутом грязными кожаными ремнями.

— Какого х..я так долго, Хлыщ? — глухо, через внешний динамик шлема, донесся голос наемника. Мат прозвучал отчетливо, но Зона будто заглушила его окончание шумом падающей воды. — Мы тут не загорать под этим х..евым солнышком собрались. Где товар?

— Да тихо ты, Немец, не ори, — огрызнулся Падальщик, испуганно озираясь по сторонам. Он вытащил из-за пазухи небольшой, обмотанный синей изолентой контейнер из обедненного свинца. — Тут «Вольница» шарится, их дозоры у старого моста видели. Если они просекут, что мы яйцеголовым артефакты в обход Бара толкаем, нам обоим б..я п..дец настанет. В порошок сотрут.

— «Вольница» — это стадо свиней, — отрезал Немец, забирая контейнер. Он приоткрыл крышку. Пространство смотровой ямы, где прятался Кирилл, на секунду озарилось слабым, пульсирующим зеленым светом. Это была «Слеза Изумруда» — редкая аномальная формация, способная выводить тяжелые радионуклиды из организма за считанные часы. Ученые из «Вектора» давали за такой образец ящик дефицитного армейского промедола.

«Вот она, экономика Сектора, — подумал Кирилл, сильнее сжав пистолетную рукоятку автомата. Палец замер на спусковом крючке. — Наемники работают на ученых, Падальщики воруют у своих, а платят за все жизнями тех, кто эти камни из аномалий зубами выковыривает».

— Деньги где? — Хлыщ нетерпеливо протянул руку.

Немец полез в разгрузку, доставая плотный брезентовый мешочек. Внутри зазвенели жетоны — тяжелая свинцовая валюта Сектора.

— Здесь ровно двести пятьдесят. И три пачки чешских девяток для твоего хлама. Забирай и вали к своим на Свалку. И передай Сивому: если следующий контейнер будет с трещиной — я ему лично башку отстрелю.

Падальщик схватил мешочек, быстро пересчитал патроны через ткань и, кивнув, растворился в серой стене дождя. Наемник остался один. Он не торопился уходить. Достал из кармана плаща пластиковую флягу, откинул забрало шлема — Кирилл увидел бледное лицо с глубоким шрамом через левую щеку — и сделал затяжной глоток. Пахло дешевым контрабандным спиртом.

В этот момент погода решила сыграть в свою любимую игру. Шум дождя резко оборвался. Будто кто-то выключил звук на старом телевизоре. Наступила та самая мертвая, звенящая тишина, которую ходоки боялись больше всего на свете. Воздух потяжелел, в нос ударил резкий запах хлора и жженой проводки.

Немец замер, опустив флягу. Его глаза расширились.

— С..ка... Прилив, — прошептал он.

Кирилл в яме похолодел. Прилив. Волновой всплеск энергии из центра Сектора — Объекта Четырнадцать. До планового оставалось еще трое суток, но эта территория никогда не жила по календарю.

Земля под ногами глухо вздрогнула. Где-то далеко, на севере, донесся нарастающий гул, похожий на рев сотен реактивных двигателей. Небо над автобазой из свинцово-серого начало стремительно превращаться в кроваво-багровое. Синие статические искры с треском побежали по ржавым швеллерам на потолке ангара.

Немец рванулся внутрь бокса, ища укрытие. И его взгляд упал прямо на смотровую яму, где сидел Кирилл. Времени на тактические маневры больше не было. Решала секунда.

— Стой, б..я! — рывкнул Немец, вскидывая карабин.

Кирилл не стал ждать. Он плавно выжал спуск. АК-74Н коротко, сухо рывкнул в замкнутом пространстве ангара. Пуля со стальным сердечником ударила наемника точно в область ключицы, пробив верхнюю кромку титановой пластины бронежилета. Немец вскрикнул, его отбросило назад на ржавый остов грузовика. Оружие вылетело из его рук, со звоном ударившись о бетон.

Наемник тяжело дышал, пытался дотянуться до пистолета на бедре, но Кирилл уже выскочил из ямы. Двумя быстрыми шагами он сократил дистанцию, наступил тяжелым армейским ботинком на раненую руку Немца и упер ствол автомата ему прямо в переносицу.

— Не дергайся, земляк, — хрипло сказал Кирилл. — Иначе Прилив ты встретишь уже на том свете. Где здесь гермозатвор? В чертежах этой автобазы значился дренажный коллектор. Где люк? Говори, и я перетяну тебе артерию.

Гул снаружи перерос в плотный, вибрирующий инфразвук. Стены старого бокса затряслись, с потолка посыпалась труха. Сектор «Минус Два» готовился вывернуться наизнанку.

— Там... за стеллажами... — прохрипел Немец, дернув здоровой рукой в сторону глухой кирпичной стены, заваленной прогнившими деревянными ящиками. — Квадратный люк... под ветошью. Лом... там же...

Кирилл резко отпрянул, на секунду опутив ствол. Багровеющее небо за выбитыми воротами ангара не оставляло времени. На горизонте полыхнула первая фиолетовая молния. Она была беззвучной, но от ее вспышки индикатор дозиметра на запястье Кирилла испуганно затрещал.

Кирилл бросился к стеллажам. Срывая ногти в плотных перчатках, он принялся раскидывать тяжелые ящики. Из-под груды гнилой мешковины действительно показался тяжелый чугунный люк с четырьмя запорными ригелями. Рядом в пыли валялся полуметровый стальной лом.

Поддев крышку, Кирилл налег всем телом. С жутким, скрежещающим звуком люк поддался, открывая зев темного колодца, откуда пахло сыростью и плесенью. Квадратные железные скобы уходили вниз.

— Хватайся, вояка! — крикнул Кирилл, возвращаясь к раненому.

Он подхватил Немца под мышки со стороны здорового плеча. Наемник был тяжелым — снаряжение БР-5 весило не меньше двадцати пяти килограммов. Кирилл, стиснув зубы до хруста, потащил его по бетонному полу. Из раны наемника оставался жирный багровый след.

Снаружи грохнуло так, будто взорвался склад боеприпасов. Первая ударная волна Прилива сорвала остатки жестяной крыши ангара. Воздух за стенами бокса вспыхнул ровным, ядовито-розовым светом.

Кирилл буквально швырнул Немца в открытый зев люка. Тот с глухим матом покатился вниз по скобам, упав на бетонное дно коллектора тремя метрами ниже. Кирилл прыгнул следом, на лету перехватывая край чугунной крышки. Налегая изнутри, он потянул тяжеленный люк на себя.

Запорный механизм не хотел вставать в пазы. Ригели заржавели.

— Сука, давай же! — прорычал Кирилл, упираясь ногами в железную лестницу и вбивая лом в поворотное колесо люка.

Сверху, сквозь оставшуюся щель в пару сантиметров, хлынул сплошной поток слепящего фиолетового огня. Изношенная ткань комбинезона «Шторм-3» на плечах Кирилла начала сжиматься от чудовищного жара. Дозиметр на руке захлебнулся и просто погас, сожженный наводкой.

С последним, отчаянным рывком Кирилл провернул колесо. Ригели с металлическим щелчком встали в пазы. Крышка намертво запечатала колодец.

В ту же секунду наверху, на поверхности земли, во всю силу развернулся ад. Даже сквозь толстый чугун и три метра бетонного перекрытия доносился утробный, вибрирующий гул. Земля ходила ходуном.

Кирилл тяжело сполз по металлическим скобам вниз и сел на влажный бетонный пол. Его сердце колотилось где-то в районе горла. Он сорвал с лица помутневшую маску противогаза и жадно глотнул сырой, холодный подземный воздух. Пахло мокрым цементом, но здесь не было того смертоносного озонового привкуса.

— Ушли... — выдохнул он в темноту, на шаривая на разгрузке тактический фонарь.

Яркий луч светодиода разрезал сырую мглу подземного туннеля. Это был старый дренажный коллектор. По дну журчал неглубокий ручеек мутной воды.

Наемник лежал чуть в стороне, прислонившись спиной к бетонной стене. Его шлем валялся рядом. Лицо Маркуса было бледным как мел, губы посинели от потери крови и шока. Правая рука плотно прижимала к раненой ключице кусок брезентового ремня.

— Слышь... ходок... — тихо, едва слышно произнес Наемник. — Слепишь же... убери луч в сторону.

Кирилл отвел фонарь чуть выше, освещая свод туннеля. Сам он сел напротив, положив АК-74Н на колени стволом в сторону раненого.

— Аптечка есть? — спросил Кирилл.

— В боковом кармане... на бедре. Наш комплект. Там жгут и этот... кровоостанавливающий порошок. Всыпь... иначе я до конца Прилива не дотяну. Там же ампула с обезболом... коли в плечо.

Кирилл поднялся, подошел к раненому и извлек из набедренного кармана наемника плотный пластиковый подсумок. Действуя быстро и хладнокровно — сказывался опыт инженерно-саперной службы, — Кирилл разорвал ворот немецкого камуфляжа. Пуля прошла навылет через мягкие ткани чуть ниже ключицы, раздробив край лопатки.

Кирилл вскрыл пакет с гемостатическим порошком и безжалостно высыпал его прямо в рваную рану. Наемник взвыл, выгнувшись дугой, его зубы закрипели. Порошок при контакте с кровью начал мгновенно пениться, запекая сосуды высокой температурой химической реакции.

— Терпи, наемная твоя душа, — процедил Кирилл, накладывая давящую повязку. — На Большой Земле за такой ремонт с тебя бы полис спросили. А тут — живи за мой счет.

Достав из чехла шприц-тюбик, Кирилл вогнал иглу прямо через ткань рукава в мышцу наемника. Тот обмяк, тяжело откинув голову на бетон. Опиат начал действовать.

— Спасибо... земляк, — пробормотал Немец, закрывая глаза. — Меня Маркусом зовут. В Контуре — просто Немец. Из «Черного Креста».

— Кирилл. Кликуха — Культ, — коротко представился ходок, возвращаясь на свое место напротив. Он поднял с пола обмотанный изолентой свинцовый контейнер, который выпал у наемника. — Значит, ворует у своих, Маркус? Сдаешь хабар ученым из «Вектора» в обход кассы своей конторы?

Наемник хрипло, вымученно усмехнулся.

— В Секрете нет своих, Культ. «Черный Крест» зажрался. Полковник наш сидит на базе, жетоны считает, контракты с внешними корпорациями подписывает. А парни в поле под свинцовым дождемдохнут от лучевки. Нам платят копейки. А эта штука... «Слеза Изумруда». За нее профессор из мобильной лаборатории «Вектора» обещал мне три ящика чистых медикаментов и пропуск на Большую Землю. Чистый пропуск, понимаешь? У меня там, на воле, мать слепая. Ей операция нужна. А тут... этот сученыш Хлыщ из «Падальщиков» ее на Свалке из аномалии выковырял. Мы договорились.

Кирилл замолчал. Слова наемника отозвались в нем глухой, тяжелой болью. На Большой Земле у всех кто-то остался. У Маркуса — мать. У него самого — одиннадцатилетняя Алинка, которая сейчас лежит в стерильном боксе столичного института онкологии. Ее кости заживо пожирает саркома, вызванная чертовым излучением после аварии на НИИ. Обычная медицина бессильна. Нужен артефакт. Настоящий, из самого сердца этой проклятой территории — легендарный «Очаг Жизни», способный перестраивать живые клетки.

«Мы все здесь из-за тех, кто остался там», — подумал Кирилл, крепче сжимая контейнер.

— И сколько ученые дают за эту зелень? — спросил он вслух.

— Прохор на Кордоне выложит за нее не меньше тысячи четырехсотов жетонов. Или эквивалент снаряжением. Это редкая дрянь, Культ. Она радиацию из мяса выводит за полчаса.

Земля над их головами снова глухо содрогнулась. Прилив выходил на свой пик. Сквозь стыки чугунного люка вниз начали со звоном падать тяжелые, маслянистые капли. Это был радиоактивный конденсат, который образовался в воздухе из-за чудовищного перепада давления. Попадая на бетонный пол коллектора, капли оставляли белесые, дымящиеся следы.

— Слышь, Культ... — Маркус приоткрыл один глаз. — Раз уж мы тут заперты часа на три... У тебя покурить не найдется? Расскажи анекдот, что ли? А то под этот гул наверху мозг плавится. У вас, у вольных, вечно всякую х..ню травят.

Кирилл залез в верхний карман куртки, достал измятую пачку дешевых сигарет. Достал одну, прикурил, сделал глубокую затяжку, ощущая, как горький дым немного успокаивает взвинченные нервы. Затем подошел, вложил сигарету в губы наемника и поднес огонек.

Маркус жадно затянулся.

— Хорошо-о... дерьмо, конечно, редкое, но сейчас — как нектар, — пробромотал наемник.

— Ну, слушай, — тихо сказал Кирилл, присаживаясь обратно. — Заходит, значит, зеленый ходок к ученым на блокпост. Весь в грязи, комбез порван, на башке вместо шлема — кастрюля эмалированная. Вываливает на стол мешок с битыми кирпичами. Ученый на него через очки смотрит и говорит: «Любезный, и что это за мусор вы мне притащили?» А ходок ему гордо так: «Никакой не хлам, товарищ профессор! Это новейший артефакт "Щебень Судьбы"! Если его в ухо врагу засунуть и молотком стукнуть — у него голова болеть перестанет!» Ученый обалдел: «Да вы что, с ума сошли? От этого же человек умрет!» А ходок вздыхает: «Ну вот, б..я, сразу видно научный подход... Зато ведь голова-то болеть не будет!»

Маркус тихо, сдерживая боль в груди, рассмеялся.

— Сука... жизненно. У нас в «Кресте» один контрактник примерно так же тактическую медицину понимал. Чуть что — сразу жгут на шею, чтоб не орал.

Смех быстро угас. Туннель снова погрузился в относительную тишину.

— Слушай, Культ, — Маркус посерьезнел. — Ты ведь непростой парень. Военный?

— Бывший, — отрезал Кирилл. — Капитан инженерных войск. Сапер.

— Сапер — это хорошо. Слушай сюда. Мы с тобой сейчас в одной лодке. Ты меня не пристрелил, хотя мог забрать и «Слезу», и мой карабин. Давай сделку. Контейнер заberi себе. Отнесешь Прохору на Кордон. На вырученные жетоны купишь себе нормальный комбинезон, хотя бы «Контур-М4». Твой старый «Шторм-3» после этого Прилива совсем прохудился, насквозь звенеть будет. Сдавай его в утиль. Но взамен ты сделаешь для меня одну услугу.

Кирилл прищурился. Бесплатный сыр в Секрете бывал только в гравитационных ловушках.

— Что за услуга?

— На Свалке, в третьем секторе ангаров, парни из «Падалыщиков» держат в заложниках одного человека. Это девчонка, лаборантка из «Вектора». Ее зовут Анна. Она дочка того самого профессора, который должен был выдать мне лекарства для матери. Падалыщики взяли ее три дня назад, хотят выкуп с ученых — партию штурмовых винтовок. Моя группа должна была зачистить этот ангар завтра утром. Но теперь... видишь, я не боец. Если ты вытащишь ее оттуда — профессор сделает для тебя все. У него доступ к архивам Объекта Четырнадцать. Ты ведь туда стремишься, верно? К Центру? А без карт «Вектора» ты загнешься на первом же километре за Рыжим лесом. Там такие пространственные пузыри, что ты будешь ходить по кругу, пока собственные сапоги не сожрешь.

Кирилл почувствовал, как внутри него что-то щелкнуло. Информация наемника была на вес золота. Карты закрытых секторов — его единственный реальный шанс продвинуться дальше Кордона. Время Алинки на Большой Земле таяло.

— Как охраняют ангар? — коротко спросил Кирилл, доставая из подсумка блокнот и огрызок карандаша.

Маркус довольно улыбнулся, поняв, что наживка сработала.

— На Свалке заправляет банда Сивого. У них там человек двадцать шестерок, вооружены в основном старыми гладкостволами и ржавыми автоматами. Но у самого Сивого есть пара ребят посерьезнее — турецкие дробовики и один пулемет РПК на вышке. Зайти можно с восточной стороны, через дренажную трубу...

Следующие два часа, пока над их головами бушевал Прилив, перекраивая карту Сектора, Кирилл и раненый наемник провели за составлением детального плана штурма базы «Падалыщиков». Кирилл скрупулезно заносил в блокнот тактические схемы: огневые точки, сектора обстрела и маршруты патрулей.

Когда гул наверху наконец начал стихать, сменившись привычным шумным дождем, Кирилл поднялся. Его тело затекло. Прилив закончился. Зона проснулась обновленной и чертовски опасной.

Кирилл помог Маркусу устроиться на сухом выступе туннеля, оставив ему половину своих запасов чистой воды и две банки тушенки. Зато контейнер со «Слезой Изумруда» теперь надежно лежал в рюкзаке Кирилла. Это был его билет в высшую лигу Сектора «Минус Два».

— Живи пока, Маркус, — сказал Кирилл, надевая маску противогаза. — Я вернусь за тобой. Или отправлю ребят Прохора, если дойду до Кордона.

— Удачи, Култ... — глухо донеслось из темноты. — И помни: на Свалке не верь никому. Там у каждого первого мысль, как продать твою печень ученым.

Кирилл уперся руками в железное колесо люка и плавно повернул его, открывая путь вверх — в мокрый, серый мир, где его ждал первый серьезный бой.

ГЛАВА 2: БАЛАНС ПРОХОРА

Поверхность встретила Кирилла оглушительным, тяжелым запахом мокрой золы. Прилив перепахал автобазу до неузнаваемости. Там, где еще три часа назад стоял ржавый остов грузовика «ЗиЛ», теперь зияла идеально круглая, антрацитово-черная воронка шириной в пять метров. Земля внутри нее спеклась в глянцевое стекло, от которого во все стороны расходился густой, маслянистый пар.

Дождь продолжал идти, но теперь это была мелкая, занудная серая взвесь. Небо цвета грязного цинкового ведра навалилось на верхушки полусгнивших тополей. Кирилл аккуратно выбрался из люка, держа автомат наготове. Каждая капля, сорвавшаяся с бетонного козырька, заставляла его вздрагивать. Зона изменилась. Те аномальные зоны, которые он заучил по старой карте по дороге сюда, теперь могли сместиться на десятки метров.

Путь до Кордона — южного блокпоста, где вольные ходоки организовали подобие переходной базы, — занял почти четыре часа вместо обычного часа. Кириллу приходилось бросать перед собой тяжелые латунные гайки, привязанные к кускам капроновой нити. Дважды гайка, не долетая до земли, с жутким свистом улетала вертикально вверх, растворяясь в воздухе — «лифты», невидимые гравитационные ловушки, после Прилива выросли прямо посреди разбитого асфальтового шоссе.

К полуразрушенному железнодорожному переезду, который ходоки называли «Зеленкой», Кирилл подошел уже в глубоких сумерках. В темноте, среди полусасыпанных дренажных канав, показались смутные силуэты колючей проволоки в три ряда и бетонные надолбы. Это был внешний периметр стационарного лагеря.

— Стоять, ходок! Руки от цевья, ствол в землю! — из темноты дота, обложенного мешками с песком, донесся резкий окрик. На секунду Кирилла ослепил мощный луч поискового прожектора.

— Свой! — хрипло крикнул Кирилл, зажмурившись и опуская АК-74Н на ремне. — Культ. Шел со стороны автобазы, пересидел Прилив в дренаже.

— Один шел? — голос из темноты стал чуть менее напряженным, но прожектор не убирала.

— Один. Несу хабар Прохору.

— Проходи к калитке. Медленно. Палец с крючка убери, п..дец как не люблю нервных новичков.

Калитка, сваренная из арматурных прутьев и кусков старых решеток, со скрипом приоткрылась. Кирилла встретили двое часовых в одинаковых плотных комбинезонах из брезента с пропиткой — партизаны из «Вольницы». На головах — старые советские сферы СШ-68, в руках — укороченные автоматы. На лицах — серые марлевые респираторы, потемневшие от копоты и пота.

Один из них быстро проверил Кирилла выносным штанговым дозиметром. Прибор сухо, прерывисто зашелкал.

— Фонишь, земляк, — резюмировал часовой, сплюнув сквозь клапан респиратора в грязь. — На коленях и плечах до х..ра рентген притащил. Давай на дезактивацию к бочке, оботрись ветошью с керосином, иначе Прохор тебя в подвал не пустит. У него там электроника чувствительная, яйцеголовые за каждый сбой три шкуры дерут.

Кирилл послушно прошел к старой железной бочке, возле которой стоял бак с мутной, резко пахнущей технической жидкостью. Тщательно, слой за слоем, он обтер брезентовые накладные на коленях штанов и плечах куртки. Старый комбинезон «Шторм-3» после этого рейда окончательно потерял заводской вид — защитный слой местами вздулся и пошел пузы-

рями от фиолетового жара Прилива. Маркус был прав: этот костюм свое отжил. Если не сменить снаряжение, следующая вылазка станет последней.

Очистив костюм до приемлемых пяти миллирентген в час, Кирилл спустился по деревянным ступеням в глубокий, просторный подвал бывшего склада сельхозтехники. Это и был «Бункер Прохора» — бьющееся сердце южного сектора «Минус Два».

Внутри было тепло и шумно. Пахло махоркой, жареным салом, оружейным маслом и сыростью. Помещение делилось на две зоны массивной стальной решеткой, за которой находилось царство самого Прохора — толстого, лысого мужчины лет пятидесяти с хитрыми глазами мясника, одетого в чистый импортный флисовый свитер. За его спиной на деревянных стеллажах ровными рядами лежало оружие, патроны, шлемы, бронежилеты разного класса защиты, медикаменты и еда.

Перед решеткой стояло несколько деревянных столов, за которыми сидели ходоки. Кто-то чистил оружие, кто-то молча пил мутную жидкость из алюминиевых кружек, обсуждая свежие сплетни после Прилива.

Кирилл подошел прямо к решетке и молча опустил на деревянный прилавок тяжелый рюкзак.

— А, Культ, — Прохор прищурился, откладывая в сторону электронный планшет. — Живой. А парни из дозора «Вольницы» говорили, что на автобазе вообще все в труху разнесло. Думал, с концами ты там остался. Притащил чего, или просто погреться зашел? Погреться у меня платно — пять медных за час, дрова нынче дороги.

— Есть хабар, — тихо сказал Кирилл.

Он огляделся по сторонам — ходоки у столов были заняты своими делами, но в Секрете у стен тоже были уши. Кирилл запустил руку в глубь рюкзака, достал обмотанный свинцовой тканью контейнер и аккуратно поставил его на прилавок. Снял ткань. Сквозь матовые стенки пластика пробилось ровное, изумрудное свечение.

У Прохора даже брови поползли вверх. Он быстро накрыл контейнер своей широкой, мозолистой ладонью и придвинул его ближе к себе.

— Мать твоя женщина... — прошептал торговец, резко за секунду растеряв всю свою напускную вальяжность. — «Слеза»? Чистая, без трещин и сколов? Откуда у новичка на первой неделе такой жир? Вы за нее с кем-то кровь пролили, признавайся?

— От Маркуса из «Черного Креста», — прямо сказал Кирилл, глядя торговцу в глаза. — Он просил передать, что контракт в силе. Но Маркус ранен, сидит в дренаже под автобазой. Ему нужны медикаменты. А мне — снаряжение. Давай считать, Прохор. Без б.я и обмана.

Торговец достал из-под стола специальный прибор — тяжелый электронный анализатор с выносными щупами. Он аккуратно подсоединил контакты к контейнеру, замерил частоту пульсации артефакта и уровень его радиационной отдачи. Экранчик мигнул зеленым, выдав ряд цифр.

— Ладно, Культ. Обманывать тебя не буду — грех на душу брать, да и Маркус парень серьезный, его контора за обсчет своих людей мне быстро бункер лимонками закидает. Артефакт высшего класса. Ученые за него дают хорошую цену, но мне тоже надо навариться на логистике. Итого: даю за него тысячу четыреста свинцовых жетонов. Или эквивалент товаром со скидкой в десять процентов. Что берешь?

— Мне нужен комбез, — Кирилл похлопал по своему плечу, где ткань уже крошилась от наводки. — Мой «Шторм-3» — всё. Что есть из плотного, с хорошей защитой от химии и радиации, но чтобы двигаться можно было?

Прохор повернулся к стеллажам, покопался в нижнем ящике и вытащил тяжелый, пахнущий новой резиной и брезентом защитный комплект темно-серого цвета.

— Вот. Комплект «Контур-М4». Четвертый класс тактической защиты. На коленях и локтях — кевларовые вставки, встроенная разгрузка под восемь магазинов АК, на спине —

крепление под тактический ранец. Маска идет в комплекте, полнолицевая «ППМ-88» с панорамным стеклом, фильтры подходят стандартные, три штуки сразу вкручиваются. Защита от извести и кислотных дождей — идеальная. Для Свалки и Рыжего леса — самое то. Цена вопроса — семьсот жетонов.

— Забираю, — кивнул Кирилл. — Что по патронам и обвесу? Твой АК-74Н хорош, но ствол голый. Давай до ума доведем. Есть тактическое цевье с планками Пикатинни — сможешь фонарь крепить нормально, а не изолентой мотать. Есть лазерный целеуказатель и нормальный резиновый тыльник на приклад, чтобы отдачу гасить. Ну и патроны. Тебе обычные на Свалке не помогут — у парней Сивого бандюков много, они часто в армейские броники одеваются. Возьми два цинка 7Н10, повышенной пробиваемости. С пятидесяти метров любую пластину шьют насквозь. За обвес и патроны — триста пятьдесят жетонов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.